

ЭКСПЕРТ

ISSN 1812-1896

16044

9 771812 189009

31 ОКТЯБРЯ – 6 НОЯБРЯ 2016 № 44 (1006)

РЕКОМЕНДОВАННАЯ ЦЕНА — 60 РУБЛЕЙ

ПОДПИСНЫЕ ИНДЕКСЫ: 16640, 72550, 80367, 39292

ВЕЛИКАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮ- ЦИЯ

то

прошло
99 лет
назад

стр.
58

стр. 13

БЮДЖЕТНАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ
ЗАДУШИТ ЭКОНОМИКУ

ДЕФИЦИТ ЗЕМЕЛЬ

ПОД ПОСЕВ РИСА

ПОБЕДЯТ СЕЛЕКЦИЕЙ

ПОРТ В ТАМАНИ:
ЧАСТЬ ГРУЗОВ УЙДЕТ С БАЛТИКИ

стр. 30

стр. 22

Сергей Нефедов*

О Русской революции

Великая русская революция была крестьянским восстанием, именно крестьяне более всего выиграли от революции, но крестьянское счастье не могло быть основой государственного развития

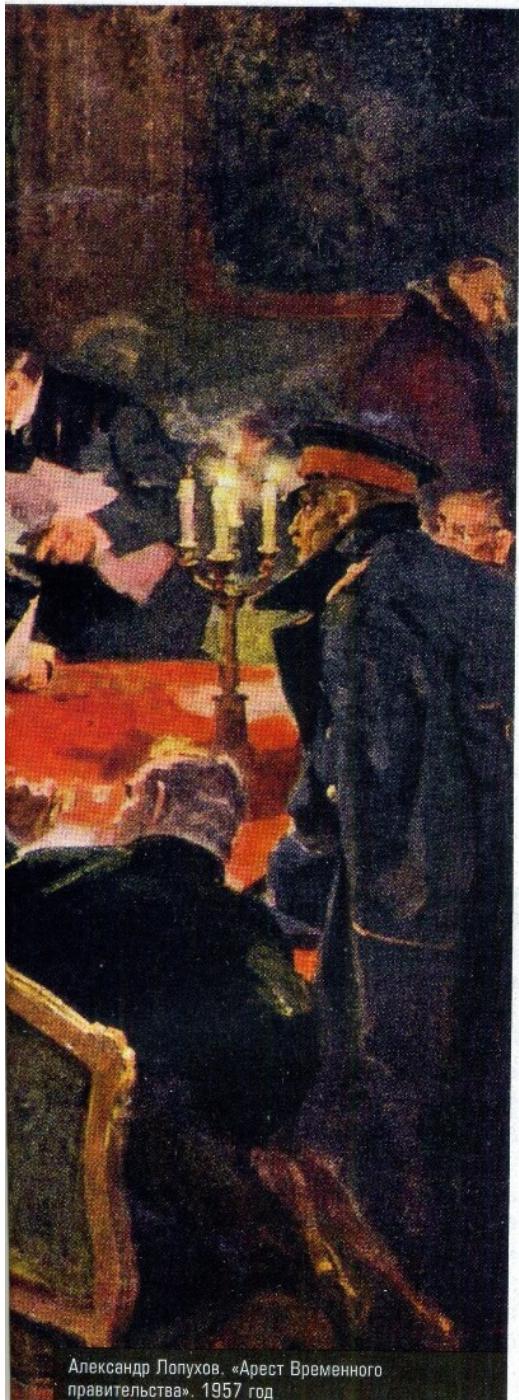
Близится столетие Великой русской революции, которая не только изменила лицо и судьбу России — ее идеи во многом легли в основу преобразования всего мира. «Эксперт» открывает «революционные» чтения, в рамках которых мы будем представлять различные точки зрения на причины, ход и последствия революции. Сегодня мы даем слово выдающемуся российскому историку Сергею Нефедову.

Путаница в современном общественном сознании такова, что иногда задают вопрос: а были ли события 1917 года революцией? Или это был некий «переворот»? Вообще, что такое «революция»? Джек Голдстоун, крупнейший специалист по теории революций, дает следующее определение этого понятия: «Революция — это насилиственное свержение власти, осуществляемое посредством массовой мобилизации (войной, гражданской или и той и другой одновременно) во имя социальной справедливости и создания новых политических институтов». Так что и февральские, и октябрьские события 1917 года формально подходят под определение революции. Но в то же время Голдстоун считает, что революция — это длительный процесс, который может продолжаться и десять, и двадцать лет, проходя определенные этапы. В этом смысле правильнее считать, что революция началась в 1905 году, а закончилась в 1922-м с окончанием Гражданской войны и образованием СССР.

Причины революции

Основной причиной революции был низкий уровень жизни, а причиной низкого уровня жизни было аграрное перенаселение. Очагом аграрного перенаселения были Центрально-Черноземный район и прилегающие губернии. Здесь было распахано 70% общей площади, и уровень распашки был выше, чем в густонаселенных странах Западной Европы. Плотность сельского населения также была выше,

*Ведущий научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН, профессор Уральского федерального университета.

Александр Лопухов. «Арест Временного правительства». 1957 год

чем на Западе. Крестьянский надел в этом регионе составлял в среднем лишь семь десятин на двор, в то время как для сносного существования было необходимо 15 десятин. Крестьяне не могли прокормиться на своих крохотных наделах, а между тем по соседству располагались помещичьи экономии — треть земли принадлежала помещикам. От аренды и батрачества крестьяне получали примерно третью зерна с помещичьих полей, а остальное вывозилось за границу, потому что цены там были выше, чем в России. Таким образом, Россия кормила Европу, а между тем самым крестьянам не хватало хлеба на питание. Чуть ли не пятая часть взрослого населения каждый год уходила на зарплаты, мужчины шли на шахты Донбасса, а женщины нанимались в прислугу или

просили подаяние на дорогах — это тоже считалось за «промысел». Но и эти подработки не спасали положения, и каждый неурожай приводил к голоду.

Об аграрном перенаселении и оскудении центральных губерний писали едва ли не все авторитетные экономисты. «Малоземелье развивалось... органически вследствие естественного прироста», — отмечал в 1914 году Н. П. Огановский, — которому, за небольшой емкостью городов и промыслов, некуда было податься... Малоземелье росло, ширилось, росло оскудение, накаплялось всеобщее недовольство, и когда правительство, спохватившись, стало расширять эти выходы — было уже поздно...» «Россия стремится по наклонной плоскости к ужасному экономическому кризису», — писал в 1910 году Г. Ф. Нефедов. Нефедов ссылался на Томаса Мальтуса, который предупреждал, что рост населения приведет к голоду и к революции.

Правительство было хорошо осведомлено об этих проблемах. Министр финансов Н. Х. Бунге писал: «Когда население возросло, отведенная земля оказалась недостаточной для прокормления крестьян и для доставки им средств в уплате налогов... Когда же к этому присоединились неурожаи... тогда положение крестьян в целых уездах и даже губерниях стало бедственным...» Министр финансов В. Н. Коковцов констатировал: «Оскудение центра России стало несомненным фактом, и, постепенно распространяясь, оно захватывает все больший и больший район». Директор департамента полиции А. А. Лопухин в докладе о восстании 1902 года писал: «Голодные, не евшие в течение нескольких лет хлеба без примеси соломы или древесной коры и давно не знавшие мясной пищи мужики шли грабить чужое добро с сознанием своей правоты, основанном на безвыходности положения и на том, что помочь им ждать не от кого».

Причины восстания 1902 года рассматривались в Особом совещании о нуждах сельскохозяйственной промышленности, председателем которого был С. Ю. Витте. В препроводительной записке к журналам этого совещания Витте сообщал царю, что сложившийся порядок держится только на долготерпении крестьянства и оно слишком долго подвергается перенапряжению. На последнем заседании, в декабре 1904 года, Витте сказал: «Я не хотел бы быть пророком, но боюсь, что в близком будущем... быть может, в этом самом зале придется обсуждать вопрос о дополнительном наделении крестьян землей».

Первая русская революция

Уже через месяц началась Первая русская революция — правда, начали ее не крестьяне. Помимо народной бедности в российской политической жизни присут-

ствовал еще один фактор, который касался высших слоев общества, как тогда говорили, «общественности». «Общественность» была «образованным классом», в отличие от простого народа, она получала в университетах западное образование и была проникнута западной культурой. Техническое превосходство Запада порождало стремление «общественности» преобразовать Россию по западному, «либеральному» образцу, что подразумевало не только строительство заводов, но и свободу частного предпринимательства, политические свободы и парламентаризм. Князь М. Путятин, один из приближенных Николая II, отозвался о либералах так: «Это — партия истинных конституционалистов по западноевропейским шаблонам. Тысячелетняя история России для них не существует».

Революцию начали либералы, организовав так называемую банкетную кампанию. Но либералы не могли в одиночку свергнуть самодержавие, поэтому они старались возбудить народ и с помощью Гапона устроили провокацию 9 января. Вспыхнуло забастовочное движение, и когда в октябре остановились железные дороги, крестьяне увидели, что власть ослабела и каратели уже не приедут на поездах. Вдобавок был неурожай, ожидался голод, и в октябре—декабре весь регион аграрного перенаселения был охвачен крестьянскими восстаниями. Генерал Сахаров, командовавший карателями в Саратовской губернии, отмечал, что «побудительной целью движения служит желание захватить хлеб в амбара, так как губернию постиг в нынешнем году страшный голод», что восстание бушевало в малоземельных уездах и почти не затронуло многоземельные районы. «В большинстве случаев крестьяне объясняли свое участие в движении тем, что они хотели есть, — писал С. Н. Прокопович (будущий министр Временного правительства). — Часто они ограничивались одним увозом хлеба и сена. Осенью 1905 года, когда начался голод в неурожайных местах, а помочь ниоткуда не было, крестьяне решили спастись от голодной смерти «общим согласием». Во многих местах разборение или дележка помещичьих экономий была совершена по приговорам сельских обществ». Если выносился такой приговор, то крестьяне внимательно следили, чтобы в разгроме усадьбы участвовали все, даже женщины и дети. Они привязывали к воротам амбара веревку и все вместе тянули за нее — чтобы власти не могли выделить и покарать «зачинщиков». Витте оказался прав: не прошло и года, как в этом самом зале пришлось обсуждать вопрос о дополнительном наделении крестьян землей. Став премьер-министром, он поручил разработать соответствующий законо-

проект. Но вердикт Николая II гласил: «Не одобряю. Частная собственность должна оставаться неприкосновенной». Как впоследствии оказалось, император подписал собственный приговор.

Крестьянские восстания были подавлены. Главную роль в этой расправе сыграли 110 тыс. казаков, которые были подняты по всеобщей мобилизации казачьих войск. У крестьян не было оружия; казаки обычно окружали бунтующую деревню, сгоняли население на главную площадь и секли всех подряд, пока крестьяне не выдавали «зачинщиков», которых вешали или угоняли на катогр. Таким образом, было высечено почти все население восставшего региона, и крестьяне это хорошо запомнили.

Здесь нужно оговориться, что кроме региона аграрного перенаселения была и другая Россия. На окраинах было достаточно земли, и казаки имели обычно по 50–60 десятин, а крестьяне на юге и юго-востоке — по 20–30 десятин. Степная Украина, Кубань и Оренбуржье были особым регионом, где преобладали зажиточные крестьяне-фермеры, которых часто (но не вполне справедливо) называли «кулаками». Фермеры в больших количествах производили товарное зерно, которое так же, как и зерно помещиков, отправляли за границу. Казаки и фермеры жили зажиточно и не имели особых претензий к царской власти.

Отступление либералов и столыпинские реформы

В итоге Первая русская революция была подавлена, а либералы, получив уступки в виде манифеста 17 октября, на время вышли из борьбы. Они были напуганы восстаниями крестьян и рабочих, которых сами же спровоцировали на борьбу. П. Б. Струве писал: «В том, как легко и стремительно стала интеллигенция на эту стезю политической и социальной революционизации настрадавшихся народных масс, заключалась... политическая ошибка... Рево-

люцию делали плохо. В настоящее время с полной ясностью раскрывается, что в этом делании революции играла роль ловко инсценированная провокация». Испугавшись спонтанного взрыва крестьянской войны, «вестернизованные» либералы отказались от союза с народом и «делания революции», отныне они провозглашали своей задачей политическую пропаганду и постепенные реформы.

Правительство, со своей стороны, пыталось что-то сделать, чтобы облегчить положение крестьян. П. А. Столыпин предложил программу модернизации сельского хозяйства по западному образцу. Предполагалось, что выделившиеся из общины «крепкие» хозяева смогут применять западную агротехнику — в частности, выращивать на парах клевер, который дает прибавку урожайности зерновых. Но эти расчеты были ошибочными: как выяснилось впоследствии (уже при Сталине), клевер плохо переносил засушливый климат Черноземья. Но главное, для проведения реформ требовалось «двадцать лет покоя», а их у России не было. Мировая война приближалась, и она не была несчастной случайностью: военные тревоги следовали одна за другой.

Между тем положение в деревне оставалось напряженным; хотя открытые восстания были подавлены, деревня продолжала волноваться, число «преступлений против порядка управления» было в восемь раз больше, чем до 1902 года.

Русские армии шли на убой...

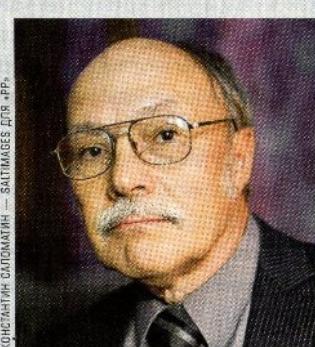
С началом войны к накопленному за десятилетия социальному недовольству добавилась боль расставания с родными и близкими; если прежде крестьянство страдало от голода, то теперь мужиков посыпали умирать на непонятной для них войне. Нежелание крестьян-солдат воевать сказывалось уже в начале войны. Председатель Думы М. В. Родзянко приводил примеры, когда во время атак с поля боя дезертировало до половины солдат.

Император Николай II

К концу 1914 года в различных армиях было издано большое количество приказов, отмечавших отсутствие стойкости у солдат и распространявшиеся сдачи в плен. Русская армия уступала противнику в артиллерию, и русские генералы старались использовать численное превосходство, безжалостно бросая своих солдат в штыковые атаки. Д. Ллойд-Джордж писал: «Русские армии шли на убой под удары превосходной германской артиллерии и не были в состоянии оказать какое-либо сопротивление».

Разгромленные в летней кампании 1915 года русские армии потеряли 2,4 млн солдат, в том числе 1 млн пленными. Деморализованные и не понимающие смысла войны солдаты массами сдавались в плен. На заседании 30 июля 1915 года военный министр А. А. Поливанов говорил, что «деморализация, сдача в плен, дезертирство принимают грандиозные размеры». «Стойкость армии стала понижаться, и массовые сдачи в плен стали обычным явлением», — свидетельствует генерал А. А. Брусилов. Современными исследователями подсчитано, что в целом за время войны Россия потеряла 3,9 млн пленными, в три раза больше, чем Германия, Франция и Англия вместе взятые. На 100 убитых в русской армии приходилось 300 пленных, а в германской, английской и французской армиях — от 20 до 26, то есть русские сдавались в плен в 12–15 раз чаще, чем солдаты других армий. Число дезертиров к началу 1917 года составляло 1,5 млн (для сравнения: в германской армии было 35–45 тыс. дезертиров, в английской — 35 тыс.). «Пополнения, посылаемые из запасных батальонов, приходили на фронт сутечкой в 25% в среднем, — свидетельствует М. В. Родзянко, — и, к сожалению, было много случаев, когда эшелоны, следующие в поездах, останавливались ввиду полного отсутствия состава эшелона...» «Ситуация в армии становилась все более безнадежной... — писал А. Ф. Керенский. — В армии шла самовольная демобилизация. Высшее командование было бессильно остановить

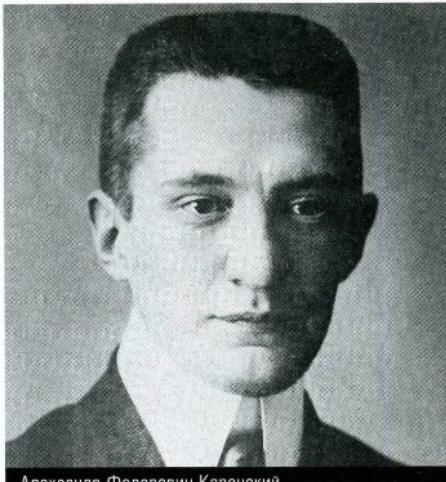
КОНСТАНТИН СОЛОДЧАКИН — SPUTNIK/SHUTTERSTOCK

Сергей Нефедов — автор более 230 научных работ, в том числе монографий «Факторный анализ исторического процесса» (М., 2008), Secular Cycles (Oxford and Princeton, 2009; совместно с П. В. Турчиным), «История России. Факторный анализ» (в 2 т. М., 2010, 2011). Внес большой вклад в изучение неомальтизианских демографических циклов — циклов, в которых периодически возникающее перенаселение приводит к голоду, что в свою очередь ведет к социальным революциям, войнам и прочим последствиям, характерным для демографических катастроф. Нефедов внес серьезный вклад в апробацию неомальтизианской теории на материале России и стран Востока. Продолжая работы Ф. Броделя, Э.

Ле Руа Ладюри и Дж. Голдстоуна, Сергей Нефедов смог показать, что демографические циклы были базовой характеристикой динамики всех сложных аграрных систем. В этом контексте Нефедов описывает Русскую революцию начала XX века как завершающую фазу демографического цикла. Дискуссия между С. А. Нефедовым и Б. Н. Мироновым о причинах Русской революции вовлекла в свою орбиту многих ведущих историков и стала важной темой российских исторических журналов.

Георгий Евгеньевич Львов

Александр Федорович Керенский

Владимир Ильич Ленин

разбегавшихся по домам солдат. Создавались особые отряды военной полиции для отлова дезертиров... Исчезла всякая воинская дисциплина. Целые роты отказывались сражаться... Солдаты то и дело покидали траншеи, братались с немцами, иногда уходя вместе с ними». Особенно характерна динамика «ухода в плен» начиная с октября 1916 года, когда в условиях распутицы, а потом зимы бои на фронте практически прекратились. В этот период началось «голосование ногами» — количества уходящих к противнику быстро росло и в феврале 1917 года достигло 148 тыс. человек. После революции появилась надежда, и в марте число пленных упало до 19 тыс.

В декабре 1916 года накопившееся недовольство солдатских масс прорвалось в массовых выступлениях на фронте. В ходе Митавской операции отказался идти в атаку 17-й пехотный полк, затем к нему присоединились еще несколько полков, волнения охватили части трех корпусов и десятки тысяч солдат. Беспорядки были подавлены, но спорадические выступления в войсках продолжались. Волнения охватили и армейский тыл. В октябре 1916 года произошли восстания нескольких тысяч солдат на тыловых распределительных пунктах в Гомеле и Кременчуге: солдаты не желали идти на фронт. Такие же настроения преобладали и в столичных тыловых гарнизонах; возможность большого солдатского мятежа становилась все более реальной.

Реакция крестьян на войну заключалась не только в дезертирстве и массовых сдачах в плен — крестьяне отказались продавать властям хлеб. Правительство было вынуждено оплачивать огромные военные расходы путем эмиссии бумажных денег; это привело к быстрому росту цен. Товарный хлеб на рынок поставляли в основном помещики Центрального Черноземья и фермеры юга и юго-востока. Раньше они продавали хлеб за золотую монету и теперь не желали отдавать его за обесценившиеся бумажки. «Главной забо-

той правительства было продовольствие, — свидетельствует министр внутренних дел А. Д. Протопопов. — Явилась на местах так называемая «бисерная забастовка»... деревня не выдавала своего товара, не получая ничего взамен... Положение создавалось грозное. Столицы тоже не имели хлеба. Мельницы были без зерна».

В ноябре 1916 года правительство опубликовало указ о введении продразверстки. Однако многие губернии требовали уменьшить размеры разверстки, производители хлеба отказывались выполнять задания. Родзянко в докладе, предназначенному для Николая II, писал о «полном крахе разверстки».

В отчаянном положении правительство стало предпринимать попытки заключить перемирие с Германией и вынашивало планы земельной реформы — то есть обсуждался тот вариант, который позже реализовали большевики. Но думские либералы, по свидетельству охранки, «получавшие инструкции из английского посольства», сорвали эти планы. Лидер кадетов П. Н. Милюков на заседании Думы обвинил премьера Штюрмера в измене и добился его отставки. Либералы пытались использовать кризисную ситуацию, чтобы утвердиться у власти путем создания «думского министерства». Но они не решались обращаться за поддержкой к народу, как в 1905 году. Милюков не раз предупреждал своих коллег о встающем над страной «призраке Разина и Пугачева»; накануне революции, 9 февраля, он призвал волнующихся рабочих не верить агитаторам и не оставлять работу.

Между тем в городах начинались голодные бунты. «В конце января, — вспоминал Керенский, — ЦК союзов городов и земств представил правительственный Комиссии по снабжению меморандум... «Все запасы исчерпаны. В феврале хлеба не будет». И действительно, в феврале в городах хлеба не было. В провинции разгорались голодные бунты. 10 февраля в Петрограде начались волнения, спровоцированные, по выражению властей, «нехваткой про-

довольствия». Голод толкал рабочих на выступления, перераставшие в бунты...»

«В феврале никто заранее не намечал путей переворота...»

27 февраля 1917 года голодный бунт в Петрограде спровоцировал восстание солдат столичного гарнизона — это восстание (которое называют Февральской революцией) было заключительным актом череды солдатских выступлений, которые происходили на фронте и в тылу. Л. Д. Троцкий писал: «Февральское восстание именуют стихийным... в феврале никто заранее не намечал путей переворота... никто сверху не призывал к восстанию. Накопившееся в течение годов возмущение прорвалось наружу в значительной мере неожиданно для самих масс».

Каковы были требования восставших крестьян-солдат? Прежде всего, они не хотели умирать на этой непонятной для них войне. По требованию солдат Временное правительство в первой же своей декларации постановило не выводить из столицы на фронт солдат «революционного гарнизона». Крестьяне требовали того же, что и в 1905 году, — земли. Председатель Думы Родзянко рассказывал, что восставшие солдаты были на самом деле «конечно, не солдаты, а просто взятые от сохи мужики, которые все свои мужицкие требования нашли полезным теперь же заявить. Только и слышно было в толпе: «земли и воли»...»

У восставших не было никакой организации, и власть сама собой оказалась в руках либералов из Временного правительства. Либералы были вынуждены пообещать крестьянам-солдатам земельную реформу — но только с санкции Учредительного собрания, созыв которого они всячески затягивали. Однако крестьян-солдаты требовали немедленных и решительных перемен. Брусилов (в то время главнокомандующий) писал о настроениях солдат: «Взял верх лозунг: «Долой войну, немедленный мир во чтобы то ни стало и немедленное отобрание земли у

Илья Репин. «Манифестация. 17 октября 1905 года». 1907 год

помещика” — на том основании, что барин столетиями накопил себе богатства крестьянским горбом...»

Уже весной в Центральном регионе начались захваты помещичьих земель; солдаты толпами уходили с фронта, чтобы принять участие в «черном переделе». Керенский ездил по фронтам и произносил вдохновенные речи, пытаясь удержать солдат и организовать «последнее и решительное» наступление. Наступление началось 18 июня, но уже через два дня войска отказались идти дальше, а еще через несколько дней стали уходить с фронта, убивая пытавшихся удержать их офицеров. Правительство попыталось отправить на фронт петроградский «революционный гарнизон», но 3 июля он взбунтовался и едва не сверг правительство — однако, как и в феврале, у бунтовщиков не было никакой организации и они не знали, кому передать власть. Но и Временное правительство не могло управлять страной, погружавшейся в пучину анархии. Британский консул Брюс Локкарт писал о членах Временного правительства: «Трагедия заключалась в том, что они были людьми, которые в глубине души и не помышляли о революции... и которые сегодня отдали бы свою правую руку, чтобы вернуть императора или, в конце концов, какого-нибудь императора на трон России». Действительно, многие (в том числе Милковы) считали, что страну может спасти только диктатура, — и либералы сочувствовали пытавшемуся установить диктатуру генералу Корнилову, но попытка Корнилова закончилась неудачей.

В конце концов, какая-то партия должна была взять на вооружение лозунг солдат-крестьян: «Долой войну, немедленный мир во чтобы то ни стало и немедленное отобрание земли у помещика». В России

существовали две мало кому известные марксистские партии: социал-демократы (эсдеки) и социалисты-революционеры (эсеры). По докладам охранки, перед Февральской революцией эти партии влачили «жалкое существование», а их лидеры прозябали за границей. Марксизм, как и либерализм, был западной идеологией, в данном случае идеологией западного пролетариата; он не имел массовой базы в России ввиду малочисленности российского рабочего класса. Эсеры, правда, пытались приспособить марксизм к реалиям крестьянской страны и выступали за передачу помещичьей земли крестьянам. Этим они завоевали некоторую популярность среди солдат петроградского гарнизона, и лидер эсеров В. М. Чернов стал членом Временного правительства. Однако земельная реформа затягивалась, и уже 4 июля бунтовавшие солдаты, едва не доходя до рукоприкладства, требовали у Чернова декрет о земле — «и немедленно».

Есть такая партия

В отличие от эсеров большевики выражали готовность немедленно отдать крестьянам землю и заключить мир — поэтому их популярность быстро росла. Вдобавок Временное правительство проявило полную неспособность восстановить нарушенное продовольственное снабжение. Оно ввело новую продразверстку (теперь она называлась «хлебной монополией») и повысило закупочные цены на хлеб — но производители по-прежнему отказывались отдавать свой хлеб за пустые бумажки. На транспорте царила анархия, голодавшее население захватывало шедшие по Мариинскому каналу баржи с хлебом. 24 августа английский посол Дж. Бьюкенен запросил срочную аудиенцию у Керенского. «Я уже однажды предупреждал импе-

ратора, — сказал Бьюкенен, — что голод и холод вызовут революцию; если теперь правительство не будет действовать немедленно, то те же причины вызовут контрреволюцию».

Но Временное правительство ничего не могло сделать. Деревня не подчинялась правительству, там громили помещичьи усадьбы и делили землю. Посылаемые против крестьян солдаты переходили на сторону бунтовщиков. Продовольственное положение в Петрограде становилось катастрофическим. 31 августа выдача хлеба по карточкам уменьшилась до $\frac{1}{2}$ фунта — меньше, чем в Ленинградскую блокаду. Солдатам «революционного гарнизона» тоже сократили пайки, и вдобавок их снова собирались отправить на фронт. Большевики оценили ситуацию и 10 октября провели через Петроградский совет резолюцию о том, что части гарнизона переподчиняются Совету — и что они не будут выведены на фронт. Солдаты с радостью перешли на сторону большевиков, Временное правительство лишилось своей военной опоры и с этого момента было обречено. Таким образом, Октябрьская революция была повторением Февральской — это было восстание голодающих рабочих, поддержанное крестьянами-солдатами. Рабочие требовали прежде всего хлеба, а солдаты — земли и чтобы их не посыпали на фронт. «Их совершенно не интересовал Интернационал, коммунизм и тому подобные вопросы, — свидетельствует Брусилов, — они только усвоили себе следующие начала будущей свободной жизни: немедленно мир во что бы то ни стало, отобрание у всего имущественного класса... всего имущества, уничтожение помещика и вообще барина».

«За миром и хлебом»

Питирим Сорокин дал концентрированное описание Русской революции: «В январе—феврале 1917 г. в городах... разразился хлебный бунт, начавшийся с остановки и опрокидывания трамваев и перешедший в опрокидывание более солидных вещей, вроде престолов и правительства. Опрокинули монархию. Но голод усиливался. Параллельно углублялась и революция: в октябре опрокинули Временное правительство и стали “социализировать буржуев”, чему это правительство мешало...» Внимательно наблюдавший за событиями М. М. Пришвин писал в своем дневнике о «непонимании большевистского нашествия, которое... все считают делом Ленина и Троцкого», но «не понимают, что вожди тут ни при чем и нашествие это не социалистов, а первого авангарда армии за миром и хлебом, что это движение стихийное... что это движение началось с первых дней революции

и победа большевиков была уже тогда предопределена».

Конечно, если вооруженный народ требовал мира и хлеба, то кто-то должен был возглавить эти пришедшие в движение огромные массы. Если бы этого не сделали Ленин и Троцкий, то нашлись бы другие: на заседании предпарламента 24 октября лидеры эсеров и меньшевиков Мартов, Дан и Гоц потребовали у Керенского немедленно издать декреты о земле и о мире. Керенский отказался — поэтому ему пришлось бежать на автомобиле американского посольства.

Когда в январе 1918 года наконец собралось Учредительное собрание, оказалось, что оно в основном состоит из социалистов, которые при открытии заседания дружно пели «Интернационал». Собрание утвердило большевистский Декрет о земле и обратилось к воюющим державам с призывом о мирных переговорах — тем не менее оно было разогнано большевиками, которые (как, впрочем, и либералы) считали, что настало время диктатуры. Питирим Сорокин впоследствии доказывал, что вызванные голодом революции всегда приводят к диктатуре. Только диктатура могла реально ввести продразвестку и обеспечить города хлебом — и большевики послали в деревню вооруженные продотряды. Но случилось то, чего опасались все предыдущие правительства: производители товарного хлеба, зажиточные крестьяне окраин, ответили всеобщим восстанием. Исторический парадокс состоял в том, что выигрыше от «черного передела» оказались в основном крестьяне перенаселенного Центра. На окраинах, на юге и на востоке, где земельная прибавка после революции не была существенной, была реализована на практике вторая часть знаменитого лозунга «Земля и воля». Эту волю крестьяне окраин поняли как свободу от сильного государства, от продразверстки и призыва в Красную армию.

Воспользовавшись крестьянским восстанием, все противники большевиков объединились и создали Белую армию. Началась Гражданская война, фронт которой проходил по границе между перенаселенным Центром и многоземельными окраинными областями. По словам генерала Деникина, все содержание Гражданской войны сводилось к тому, что «голодный север шел походом на сытый юг, а юг отставал... свое благополучие». По большому счету, крестьяне не желали воевать, им было безразлично, что происходит в городах, они желали, чтобы после раздела земель их оставили в покое, поэтому они толпами дезертировали из обеих армий, Белой и Красной. Однако когда армия Деникина вторглась в перенаселенный Центр, крестьяне-солдаты

Борис Кустодиев. «Большевик». 1920 год

не пожелали возвращения помещиков, и миллион дезертиров вернулся в Красную Армию. Деникин впоследствии писал: «Главный, более того, единственный вопрос, который глубоко волновал душу крестьянства, который заслонял собой все прочие явления и события, — вымученный, выстраданный веками: *Вопрос о земле*» (выделено Деникиным. — С. Н.).

Ленин дважды подчеркнул карандашом эту фразу из книги Деникина.

Сменявший Деникина Врангель пообещал крестьянам землю — но ему уже никто не верил.

Выдающийся экономист Джон Мейнард Кейнс, наблюдавший за катаклизмом Русской революции из далекого Парижа, пытался понять, что же произошло, и найти истинную причину событий. В конечном счете он пришел к тому же выводу, что и ссылавшийся на Мальтуса Глеб Нефедов. «Население Европейской России увеличилось еще в большей степени, чем население Германии, — писал Кейнс. — В 1890 году оно было меньше 100 млн, а накануне войны оно дошло почти до 150 млн; в годы, непосредственно предшествующие 1914 году, ежегодный прирост достигал чудовищной цифры в 2 миллиона... Великие исторические события часто бывают следствием вековых перемен в численности населения, а также прочих фундаментальных экономических причин; благодаря своему постепенному характеру эти причины ускользают от внимания современных наблюдателей... Таким образом, необычайные процессы последних двух лет в России, колоссальное потрясение общества, которое опрокинуло все, что казалось наиболее прочным... являются, быть может, гораздо более следствием роста населения, нежели деятельности Ленина или заблуждений Николая...»

Райское время, которое быстро закончилось

В конечном счете белые потерпели поражение, но и большевики не одержали победу: крестьянские восстания заставили Ленина отказаться от продразверстки и ввести нэп. В итоге крестьяне добились своего: они получили землю, налоги резко уменьшились, и вдобавок было позволено варить самогон. Период нэпа вошел в историю как «райское время»: крестьяне стали есть досыта, потребление хлеба и мяса было выше, чем в наши дни. В деревне не нужно было много работать; экономисты подсчитали, что из каждого пяти дней один день был выходным или праздничным и еще один не использовался. Благодаря обилию самогона долгие деревенские праздники сопровождались массовым запоем. «На масленице пьют наполовину, до-сшибу, на Рождество пьют в течение двух недель, говоря просто, “отсеваются”», — сообщал один из проводивших обследование сотрудников ЦСУ. Конечно, крестьяне ходили в лаптях и пахали сохой, но много ли человеку надо для счастья?

После шести лет «крестьянского рая» оказалось, что для счастья нужно что-то еще. Нужно было защищать этот рай — а крестьяне не хотели платить налоги и страна не имела средств на содержание армии. Между тем мировая война показала, что выжить может лишь государство, обладающее мощной промышленностью. Таким образом, военная угроза побуждала большевиков (хотя бы частично) отнять у крестьян завоеванный ими хлеб, чтобы накормить рабочих, которые будут строить заводы — и купить станки для этих заводов. «Либо мы сделаем это, — говорил Сталин, — либо нас сомнут».